

ИВАН ПОСОХИН

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4069-9536>

Университет Коменского в Братиславе

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА: «ОТМЕНА» ИЛИ «САМООТМЕНА»?

RUSSIAN LITERARY SPACE AFTER FEBRUARY 24, 2022: “CANCELLATION” OR “SELF-CANCELLATION”?

The article explores the influence of geopolitical events on the perception of Russian literature following Russia's full-scale invasion of Ukraine in February 2022. It delves into the evolving reception of Russian literature, highlighting the phenomena of its “cancellation” and “self-cancellation” — dynamics rooted both in the Russian cultural landscape and the self-reflection of Russian émigré writers. The author argues for characterizing Russian literature's (self)image as a refracted image, shaped by feedback loops and recursive (self)perception. Additionally, the article examines the primary mechanisms for selecting representatives and texts of contemporary Russian literature, which hinge on their acceptability or unacceptability within specific contexts.

Keywords: contemporary Russian literature, reception, cancel culture, self-cancellation, Russian emigration

Восприятие и функционирование общего образа русского и русскоязычного литературного пространства как внутри него самого, так и за его географическими (и символическими) пределами, практически всегда находилось и продолжает находиться под сильным влиянием политической ситуации внутри России и ее отношениями с главными внешнеполитическими акторами (прежде всего с условным «коллективным Западом»). Отчасти поэтому весьма плодотворно развиваются исследования, касающиеся русской литературы, но выходящие за рамки сугубо литературоведческих подходов и интерпретирующие литературу, например, как релевантный фактор в политологическом, лингвокультурологическом и других контекстах¹. Особое значение

¹ См. например: I. Dulebová, N. Cingerová, *Ruské lingvoreálie*, Univerzita Komenského v Bratislavě, Bratislava 2017, c. 34–48; I. Neumann, *Russia and*

ние здесь имеют исследования, направленные на образ русской литературы и ее рецепцию в других культурах. Многие из этих исследований исходят из общих концептуальных рамок, одной из которых является опора на дихотомию «Я–Другой» при описании взаимного восприятия культур и процессов формирования и манифестации идентичности². В рамках этой концептуальной схемы отдельные национальные культуры формировали свои собственные образы русской литературы (и культуры в целом), определяемые степенью ее экзотичности в принимающем контексте и величиной той роли, которую русская литература играла в самоопределении той или иной принимающей культуры (поэтому можно говорить о «британской», «французской» или, скажем, «словацкой» рецепции, каждая из которых будет иметь свою специфику). Однако в феврале 2022 года в зачастую клишированном рецептивном образе русской литературы как литературы огромной, «загадочной» страны Другого, которая, при всей своей экзотичности, все же транслирует некий универсальный культурный код, приближающий ее к среднестатистическому западному человеку, произошел радикальный сдвиг. Страна, культурным ядром которой является «великая литература», связала полномасштабную войну в географическом сердце Европы, и все величие, таинственность и экзотичность этой литературы стали восприниматься если не как прямые причины такого поворота событий, то как ключевой фактор, ему способствовавший. В связи с этим само место русской литературы в принимающих литературных контекстах начало глубинно переоцениваться.

В этом тексте я постарался обозначить некоторые базовые методологические подходы к интерпретации рецептивного образа русской литературы в новом geopolитическом контексте. При формировании корпуса интерпретируемых текстов и фрагментов публичного дискурса я ни в коем случае не претендовал на исчерпывающий анализ, но предпочел сосредоточиться лишь на нескольких, но ярких и иллюстративных примерах, которые, как мне кажется, могут в определенной мере экстраполироваться и на более массивный эмпирический материал.

the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations, Routledge, London and New York 1996, c. 131–158.

² См. например: M. Kusá (ред.), *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015*, Veda, Bratislava 2017; A. Cross (ред.), *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*, Open Book Publishers, Cambridge 2012.

В своих дискуссиях о новой поэтике словацкие теоретики литературы Рене Билик и Петер Заяц размышляют о поэтике события, утверждая, что она «исследует вопрос формирования и функционирования литературного поля в диапазоне от манифестируемого властного формирования этого поля по формированию литературного поля через латентные, скрытые морфические резонансы»³. Далее они включают в рамки этой поэтики понятия латентности и форклюзии, которые, по мнению авторов, могут быть использованы для описания различных форм подавления или вытеснения из литературного поля. Отсюда следует, что в данном контексте форклюзия рассматривается как проявление цензуры и самоцензуры непосредственно в литературном произведении, но кажется возможным расширить использование этого термина и до уровня коллективного восприятия литературных текстов, коллективных литературных практик. При этом на уровне коллективной идентичности латентность и форклюзия образуют «меняющееся событийное измерение приемлемости и неприемлемости текстов в конкретной исторической ситуации»⁴. Таким образом, именно вопрос (не)приемлемости русской литературы в военное время становится основой для дискуссий, разворачивающихся преимущественно в транслируемом через медиа общественном дискурсе, а также в собственно литературной и более широкой культурной среде. Эти дискуссии проходят на разных уровнях вовлеченности в собственно российский (или русскоязычный) культурный контекст: внешне-нейтральном («умеренный» западный взгляд), внешне-враждебном (более радикальный западный, а также постимперский, включая украинский, взгляд), условно-внешнем (новая российская эмиграция), внутренне-лояльном (официальные представители государства, прокремлевские культурные деятели), внутренне-враждебном, внутренне-нейтральном (например, писатели, которые предпочли «apolитичную» позицию) и т.п. Этот разнообразный спектр перспектив исходит в том числе

³ Здесь и далее перевод мой. «skúma otázku utvárania a fungovania literárneho poľa v rozpätí od manifestovaného mocenského utvárania poľa po utváranie literárneho poľa ako latentných, skrytých morfických rezonancií». R. Bílik, P. Zajac (ред.), *Poetika textu a poetika udalosti*, Typi Universitatis Tyrnaviensis, Trnava 2018, с. 8.

⁴ «[...] meniacu sa udalostnú mieru prijateľnosti a neprijateľnosti textov v konkrétnnej historickej situácii». Там же.

из неоспоримой интегрированности российского культурного пространства в глобальное пространство, результатом чего становятся и упоминавшиеся выше трансформации и внешнего, и внутреннего образа российской культуры, которые вступают во множество (конфликтных) взаимосвязей.

В своих текстах, рассматривающих самовосприятие русской культуры — образ Себя, Роберт Сандерс отмечает, что в одном из ключевых проявлений этот образ можно считать преломленным (*refracted*), что обусловлено тем, что:

Russian culture is not impervious to how it is perceived abroad. In the global supermarket of nation brands, every country must grapple with the painful fact that national culture is always on display and a factor in determining national image. As the ‘new Cold War’ (Legvold 2014) heats up, it is inevitable that Russian culture will continue to be a site of intense contention by those on both sides of the geopolitical divide⁵.

Суть этого преломления, следовательно, заключается в том, что собственное представление российской культуры о себе обусловлено в немалой степени тем, каким ей самой представляется ее восприятие со стороны Другого. Процессу формирования такого преломленного образа свойственен значительный динамизм, поскольку, как уже было сказано выше, он напрямую связан с актуальными социально-политическими обстоятельствами. Опираясь на аргументацию Стивена Хатчингса и несколько расширяя ее применение⁶, можно утверждать, что по своей природе эта динамика рекурсивна: самовосприятие российской культуры постоянно переосмысливается и трансформируется через взаимодействие с Другим (чаще всего Западом), при этом каждая новая трансформация Себя учитывает предыдущие интерпретации. Основным принципом работы рекурсии в этом случае являются петли обратной связи (*feedback loops*), в результате действия которых оценки, реакции и интерпретации различных внешних и внутренних акторов общественного и медиадискурса предвосхищаются и становятся частью стратегии общения, причем создается закольцованная (петлевая) циркуляция, в кото-

⁵ R.A. Saunders, *Geopolitical enemy #1? VVP, anglophone ‘propaganda’ and the politics of representation* // V. Strukov, S. Hudspith (ред.), *Russian Culture in the Age of Globalization*, Routledge, New York, London 2019, c. 307.

⁶ S. Hutchings, *Projecting Russia in a Mediatized World*, Routledge, New York, London 2022, c. 7–10.

рой каждое действие (высказывание, реакция) усиливает и переосмысливает предыдущее:

The feedback loop phenomenon confirms that, within globally networked media spaces, national projections amount to encounters between self-renewing, trans-national processes that aggregate localizing (subnational) and universalizing (cosmopolitan) currents, and that are mutually constitutive or recursive⁷.

Одну из таких петель обратной связи (и спустя почти три года с начала полномасштабного вторжения в Украину) представляют собой внешние и внутренние дискуссии о том, должна ли/может ли произойти (а также о том, была ли она в принципе) «отмена» (*cancelling*) русской литературы (и, шире, культуры). Возвращаясь к идее приемлемости/неприемлемости, «отмену», если таковая происходит, можно понимать именно как констатацию неприемлемости — личности, группы или сообщества, их деятельности, результата этой деятельности.

В ее изначальной — западной — интерпретации «культура отмены» (*cancel culture*) ассоциировалась прежде всего с так называемой «новой этикой», движением #MeToo, борьбой за классовое, гендерное и расовое равенство и т.д. Вместе с тем, она может восприниматься и как слишком «прогрессивное» явление, которое «замалчивает альтернативные точки зрения, подвергает ostracism оппонентов и выхолащивает солидные интеллектуальные дискуссии»⁸. В интерпретациях, возникающих внутри властного дискурса в России, главным актором которого, конечно, выступает Владимир Путин, предъявляемые Западу обвинения в попытках «отменить» Россию и российскую культуру стали самовиктимизирующим лейтмотивом, а также одним из инструментов идеологической легитимизации российской военной агрессии. С самим наполнением понятия «культура отмены» в рамках дискурса российского официоза обходятся очень вольным образом, произвольно расширяя или сужая его значение до «попыток переписать историю», «отказа от привычных понятий ‘мать’, ‘отец’, ‘семья’ и даже ‘пол’»⁹,

⁷ Там же, с. 53.

⁸ «has silenced alternative perspectives, ostracized contrarians, and eviscerated robust intellectual debate», P. Norris, *Cancel Culture: Myth or Reality?* «Political Studies» 2023, № 1 (71), с. 145–174.

⁹ Большая пресс-конференция Владимира Путина, «Президент России», 23.12.2021, <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (20.10.2024).

а также санкций в отношении российских спортсменов и представителей русской культуры. В рамках «петельных» связей с западными дискурсами Путин также пытается оперировать образами хрестоматийных «жертв» культуры отмены, выступая в их защиту. Так, в одной из речей весной 2022 года он, критикуя западную культуру, пытался взять в виртуальные союзники «отмененную» писательницу Джоан Роулинг, которая в ответ поставила под сомнение легитимность его мнения: «Критиковать западную культуру отмены, возможно, лучше не тем, кто прямо сейчас убивает мирных жителей за преступление сопротивления или сажает в тюрьму и травит своих критиков»¹⁰. В своих выступлениях Путин также особо упоминает «запрет русских писателей и книг»¹¹, что, однако, не иллюстрируется никакими конкретными примерами. Взамен, продолжая тенденцию широкого использования образов Второй мировой войны для изображения Украины и Запада как враждебных Других, он использует отсылки к нацистской Германии: «В последний раз такую массовую кампанию по уничтожению неугодной литературы почти 90 лет назад проводили нацисты в Германии, и мы хорошо знаем и помним из кадров кинохроники, как сжигаются книги прямо на площадях»¹². В итоге здесь снова наблюдаются проявления описанного выше преломления и разворачивается наполненная парадоксами идеологическая борьба, в которой реальные случаи вытеснения русской или русскоязычной культуры и литературы, в том числе оппозиционно-антивоенной, из культурного пространства принимающих стран (например, попытка отменить курс по Достоевскому в Университете Милано-Бикокка¹³ или отмена выступления Линор Горалик, издающей

¹⁰ «Critiques of Western cancel culture are possibly not best made by those currently slaughtering civilians for the crime of resistance, or who jail and poison their critics» J.K. Rowling, «Twitter/X», 25.03.2022, https://x.com/jk_rowling/status/1507364792834666511 (20.10.2024).

¹¹ Д. Эрзбек, *Путин: «культура отмены» превратилась в отмену культуры*, «Коммерсантъ», 25.03.2022, <https://www.kommersant.ru/doc/5280435> (20.10.2024).

¹² Там же.

¹³ C. Baldi, *L'università Bicocca cancella il corso di Paolo Nori su Dostoevskij. Lo scrittore in lacrime: "È censura". Poi il dicrofront dell'ateneo*, «La Stampa», 02.03.2022, https://www.lastampa.it/cronaca/2022/03/02/news/l_universita_bicocca_cancella_il_corso_di_paolo_nori_su_dostoevskij_evitiamo_le_polemiche_lo_scrittore_in_lacrime_e_ce-2866014 (20.10.2024).

антивоенный журнал «ROAR»¹⁴, на литературном фестивале в эстонском Тарту¹⁵) преувеличиваются российским официозом до фантасмагорических масштабов, нарекаются проявлениями «русофобии», а реальные причины такой реакции (российская военная агрессия) заменяются идеологическими конструктами, ставящими Россию и ее культуру в позицию жертвы.

Эффект описанных выше рекурсивных механизмов можно видеть также в том, что «отмена», будучи заведомо внешним действием по отношению к своему объекту, в сегодняшней ситуации с русской литературой еще и заметно интернализуется, превращается в «самоотмену», когда внешние «отменяющие» импульсы постоянно реинтерпретируются, «выворачиваются наизнанку», порождая очень разные по сути ответные импульсы: вытеснение неугодных (неприемлемых) голосов из внутреннего литературного пространства, цензура и самоцензур, молчание.

С началом войны внутри российского литературного пространства усилилось и радикализировалось действие множества репрессивных механизмов, которые хоть и имеют номинальное обоснование в российском законодательстве (законы о запрете ненормативной лексики, о запрете пропаганды нетрадиционных ценностей, об иностранном влиянии¹⁶), но на практике применяются часто на основании шаткой аргументации. Литературный критик Галина Юзефович даже говорит о возвращении книжной цензуры на российский культурный рынок:

[...] за два с небольшим года, прошедших с начала войны, книжная цензура в России совершила колоссальный марш-бросок в направлении систематизации и ужесточения. Начавшись со стохастических, почти бездумных выпадов, в первую очередь направленных не против текстов, но против их авторов, она эволюционировала в полноценную публично явленную цензурную структуру [Экспертный совет при Российском книжном союзе — И.П.]. В фокусе внимания этой структуры уже не писатели (ими, как и пре-

¹⁴ Про ROAR, «ROAR» 2022, <https://roar-review.com/ROAR-06259ab4703c483a8b78353b9c491a8d> (20.10.2024).

¹⁵ И. Зарипов, «Перепутали с Путиным? Соцсети об отмене выступления Линор Горалик», «Радио Свобода», 12.05.2023, <https://www.svoboda.org/a/regerutali-s-putinym-socseti-ob-otmene-vystuplenia-linor-goralik/32408457.html> (20.10.2024).

¹⁶ Вступает в силу закон о запрете ненормативной лексики в кино, спектаклях и на концертах, «ТАСС», 30.06.2014, <https://tass.ru/kultura/1289487> (21.10.2024).

жде, в случае необходимости занимаются другие ведомства, от Минюста до Следственного комитета), а то, что они пишут¹⁷.

В обширной статье, которую опубликовало издание «Медуза»¹⁸, описано множество трансформаций, произошедших с российским издательским рынком и писательскими стратегиями с началом российского вторжения, часть из них институционального характера, часть — результат интернализации контекстов меняющейся политической ситуации. Последнее проявляется в механизмах самоцензуры, избегании «острых» тем, что также отражается и в читательских предпочтениях. Также в статье говорится о темах и мотивах, которые могут представлять потенциальную «опасность» для издателей и писателей: антивоенные высказывания, критика власти и российской повседневности, «неправильная» интерпретация исторических событий (например, описание негероических аспектов Великой Отечественно войны). Особняком стоит проблематика произведений, так или иначе тематизирующих ЛГБТК-проблематику, поскольку именно она влечет для авторов, издателей и книготорговцев одни из самых незамедлительных последствий. Так, из-за «присутствия ЛГБТИ+-пропаганды» из каталогов книжных магазинов, включая онлайн-магазины, были изъяты, например, русские переводы романов *Комната Джованни* (*Giovanni's Room*) Джеймса Артура Болдуина, *Дом на краю света* (*A Home at the End of the World*) Майкла Каннингема, *Песнь Ахилла* (*The Song of Achilles*) Мадлен Миллер, *Маленькая жизнь* (*A Little Life*) Ханы Янагихары и др. На этом же основании изымаются и книги, созданные российскими писателями, причем в случае с романом *Лето в пионерском галстуке* (2021) Елены Малисовой и Катерины Сильвановой этому предшествовало «общественное негодование», которое по своей сути идентично механизмам «отмены». После выхода роман стал хитом продаж, но одновременно вызвал и множество негативных реакций консервативно настроен-

¹⁷ Г. Юзевович, *Оружие слабых. Книжная цензура и практики сопротивления в современной России*, Carnegie Politika, 18.07.2024, <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/07/knizhnaya-cenzura?lang=ru¢er=russia-eurasia> (21.10.2024).

¹⁸ К. Сафонова, «Слов, которые ты можешь сказать, становится все меньше», «Медуза» рассказывает, как выглядит российский книжный бизнес изнутри — в эпоху цензуры и самоцензуры, «Медуза», 18.11.2024, <https://meduza.io/feature/2024/11/18/slov-kotorye-ty-mozhesh-skazat-stanovitsya-vse-menshe> (29.11.2024).

ной части общества, в частности от писателя Захара Прилепина (высказавшего готовность сжечь издательство, выпустившее роман¹⁹) и режиссера Никиты Михалкова (признаками пропаганды он счел, в частности, первые буквы в названии книги – ЛВПГ, которые, по его мнению, читаются как ЛГБТ²⁰). При этом сначала с книгой сложился определенный парадокс: «на протяжении без малого полутора лет этот кейс оставался единственным примером преследования, направленного в первую очередь против книги и лишь опосредованно против ее авторов и издателей»²¹. Однако затем последовало изъятие книги из продажи, а самих авторов признали «иностранными агентами». Последнее было сделано на основании закона об иностранном влиянии, который стал важным механизмом идеологической и экономической стигматизации и остракизации неприемлемых культурных деятелей, становящихся, по сути, внутренними Другими. «Иностранным агентами» были объявлены также Людмила Улицкая, Дмитрий Быков, Дмитрий Глуховский, Борис Акунин, Михаил Зыгарь, которые формируют сегодня костяк новой литературной эмиграции (упомянутый выше «условно-внешний» уровень дискуссий). В России даже ввелась особая практика продаж книг «иноагентов», которые должны иметь соответствующую маркировку («Содержит нецензурную брань», «18+»), а магазинам зачастую приходится их упаковывать в непрозрачную бумагу или пленку, что с символической точки зрения, конечно, не аналогично публичному сожжению книг, но, тем не менее, с дискурсивной точки зрения также работает как механизм вытеснения неприемлемых текстов из Своего литературного пространства²². После февраля 2022 года к иноагентским и анти-ЛГБТИ+ ограничениям

¹⁹ З. Прилепин, *Новость не про войну*, «Telegram», 25.05.2022, <https://t.me/zakharprilepin/10747>, (21.10.2024).

²⁰ «Я бы всю вашу контору сжег». Как книга о геях в пионерском лагере возмутила Прилепина, Михалкова и Милонова, «RTVI», 11.06.2022, <https://rtvi.com/opinions/ya-by-vsyu-vashu-kontoru-szheg-kak-kniga-o-geyah-v-pionerskom-lagere-vozmutila-prilepina-mihalkova-i-milonova/> (21.10.2024).

²¹ Г. Юзефович, *Оружие слабых...*

²² Парадоксом остается то, что несмотря на то, что некоторые книги оппозиционно настроенных писателей все же были изъяты из продажи (например, последний на сегодня роман Владимира Сорокина *Наследие* [2023]), большинство их ранее изданных книг остаются в свободном доступе как в онлайн магазинах вроде litres.ru, так и в традиционных книжных магазинах. Однако новые книги таких писателей фактически перестали издаваться внутри России, перекочевав в каталоги зарубежных издательств, которые формируют новый «тамиздат».

добавились и ограничения, связанные с «законом о фейках» о российской армии, по которому тюремные сроки заочно получили писатели Дмитрий Глуховский и Михаил Зыгарь, которые в своих публикациях говорили о российских военных преступлениях в Буче.

Примечательным примером вытеснения неприемлемых текстов из внутреннего литературного поля и их одновременного «подхватывания» в западной рецепции²³ является роман Оксаны Васякиной *Рана* (2021), который стал знаковым текстом для укрепления позиций автофикашна в современной русской литературе и получил две премии «Нос» (главный приз и приз экспертового сообщества) и был включен в шорт-лист премии «Большая книга». *Рана* — это крайне искренняя и сложная история отношений авторки со своей матерью, развивающаяся параллельно с повествованием об осознании собственной гомосексуальности в среде, враждебной к гомосексуалам. После объявления «движения ЛГБТ» «экстремистской организацией» в России²⁴ роман Васякиной либо вовсе пропал с сайтов самых крупных книжных магазинов, либо получил простое, но очень многозначительное обозначение «нет в продаже», а при его упоминаниях дипломатично замалчивается тематика гомосексуальности²⁵. При этом в 2023 году вышел английский перевод романа²⁶, получивший положительные рецензии в англоязычной прессе. Одна из рецензий, содержит, как мне кажется, ключевую характеристику отношения западного литературного рынка к русской литературе, в которой можно найти подтверждение, с одной стороны, доминированию исходной моральной позиции, нежели агрессивной «отмены ради отмены», с другой — принципа селективности в том, какие тексты сегодня могут представлять русскую литературу на Западе:

²³ В этом случае сложно избежать соблазна сравнения этих механизмов с временами холодной войны и, скажем, публикацией *Доктора Живаго* на Западе, но уже само отсутствие масштабного общественного резонанса в тех случаях, когда речь идет о художественной литературе, делает такие сравнения не совсем корректными.

²⁴ А. Голубева, *Верховный суд РФ запретил «движение ЛГБТ». Что ждет квир-людей в России?*, «Русская служба Би-би-си», 30.11.2023, <https://www.bbc.com/russian/articles/clwpbx88w8geo> (21.10.2024).

²⁵ М. Пророков, *Зеркало для героинь*, «Коммерсантъ», 23.11.2023, <https://www.kommersant.ru/doc/6352420> (22.10.2024).

²⁶ О. Vasyakina, *Wound: A Novel*, пер. Е. Alter, Catapult, New York 2023.

Wound appears in translation at a time when Russia and Russian culture are not very popular in the West, when the traditional canon of Russian literature itself is being re-thought, and many Ukrainian writers are finally being given their due. The debate over reading Russian books at this moment in time seems to me to reflect what Claire Dederer has called “moral feelings” rather than “ethical thoughts” — it’s an irrational, but also understandable, maybe even inevitable, response to the war in Ukraine. But I would still recommend *Wound* to anyone willing to pick up a Russian writer right now, precisely because this is not the sort of book that many of us might expect, a novel that feels both Western and Russian, feminist and queer. In a “Russian world” that is closing in on her, Vasyakina fights to keep a small space open²⁷.

Мне представляется, что именно селективность определяет сегодняшнюю рецепцию русской литературы в условном западном контексте²⁸. Критерием этой селекции чаще всего становится именно политическая ориентация писателей, которая выступает для них в роли своего рода «пропуска» в публичное пространство принимающих культур, а также в переводную рецепцию. Для иллюстрации можно обратиться к рассуждениям переводчиков русской литературы на немецкий язык, опубликованным изданием «Deutsche Welle». В них находит отражение один из ключевых рецептивных мотивов военного времени, согласно которому нужно различать русскую культуру и российское руководство, но с уточнением, что и в русской культуре нужно проводить отбор, обращаясь, по словам Давида Древса, переводившего на немецкий Дмитрия Глуховского, к тем ее представителям, «кто отвергает агрессию, убийства и кровопролитие в Украине. Для кого неприемлемо, когда их государство попирает все демократические, либеральные и конституционные принципы»²⁹. Кристиане Кёрнер, переводчица Василия Гроссмана, также говорит о селекции на персональном уровне:

²⁷ K. Salomon, *Bodies and Open Spaces in “Wound”*, «Chicago Review of Books», 16.09.2023, <https://chireviewofbooks.com/2023/09/16/wound/> (28.10.2024).

²⁸ Это, конечно, максимально обобщающее утверждение, поскольку каждый рецептивный контекст обладает собственной спецификой. В Словакии, скажем, работает издательство «Torden», которое активно публикует переводы с русского, но это в основном литература конспирологического толка (например, Константин Петров *Тайны управления человечеством*, Александр Казаков *Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина* и т.п.).

²⁹ М. Барановская, *Русская литература в Германии. Отменить нельзя пересмыслить*, «DW», 09.02.2024, <https://www.dw.com/ru/russkaa-literatura-v-germanii-otmenit-nelza-pereosmyslit/a-68183612> (25.10.2024).

«Сегодня я соглашаюсь переводить только тех авторов, которые решительно выступают против войны в Украине. Я не буду переводить никого, кто абсолютно четко и однозначно не высказался против российской агрессии»³⁰. Вместе с тем, в ее рассуждениях о переводах Гроссмана резонирует еще один важный лейтмотив в рецепции русской литературы после начала полномасштабной войны с Украиной, который заключается в переоценке литературных произведений с точки зрения наличия в них элементов российского имперского нарратива. Говоря о Гроссмане, как о примере «невероятной честности», она отмечает что и у него этот нарратив «проскальзывает», что подкрепляется цитатой из *Добро вам!*, где писатель рассуждает о русской литературе как о «самой великой литературе Земли»:

Раньше, может, я бы и не заметила эту «самую великую литературу Земли». Но нужно уметь распознавать этот способ мышления, на который наложило отпечаток имперское высокомерие и шовинизм. Уметь его анализировать. Противостоять ему. Конечно, это должны делать, прежде всего, россияне. Но это и моя задача как переводчицы³¹.

Таким образом оказывается, что сегодня в вопросе представленности той или иной ипостаси современной русской литературы в других культурах подтверждается важность фигуры переводчика не только как медиатора, но и как некоего фильтра (в данном случае — этического), в особенности в рамках малых литературных рынков, где респектабельные переводчики являются неотъемлемой частью процесса формирования переведенного «мейнстрима». Таким типом переводчика является, например, Ян Штрассер в Словакии, который, заняв выраженную антивоенную позицию, также высказался за необходимость различать российский режим и авторов, выступающих против этого режима, которых он преимущественно и переводит³². В его случае это основывается и на личном контакте с авторами — Владимиром Сорокиным, Михаилом Шишкиным и Гузель Яхиной, который переводчиком интерпретируется как своего рода гарантированная аутентичности их позиции³³.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Симптоматично, что последний на данный момент перевод Штрассера — это уже украинский русскоязычный роман (Андрей Курков *Серые пчелы*).

³³ M. Tódová, *Básník Štrasser: Vyznamenanie som chcel hodíť Rusom cez plot, ale bál som sa, že ma zastrelia*, «Denník N», 11.04.2022, <https://dennikn.com>.

Применение подобной первичной фильтрации также способствует созданию петель обратной связи и преломлению рецепции, поскольку реакцией на осознание наличия таких морально-этических и политических фильтров становится изменение и приспособление художественных и дискурсивных стратегий российских и русскоязычных писателей, то есть предоставление принимающим контекстам заведомо приемлемой риторики и текстов. В результате происходит определенное закольцовывание в выстраивании образа современной литературы, в котором находит место лишь одна ее идейная грань. В сегодняшней ситуации это особенно заметно в случае писателей, формирующих новую эмиграцию, для которых приемлемость в принимающих культурных контекстах становится залогом возможности художественной самореализации и базового экономического выживания. Одним из побочных эффектов становится и то, что многие писатели-эмигранты превращаются в своего рода «политических комментаторов», оценивающих, вне зависимости от уровня их экспертной осведомленности, текущий ход событий в России и ее отношения с Западом и делающих прогнозы об их дальнейшем развитии. В качестве иллюстрации можно привести множество YouTube-стримов с участием Дмитрия Быкова, тематика которых варьируется от оценки контактов России и Китая, президентских выборов в США до оценок политики президента Зеленского³⁴, или, скажем, интервью Людмилы Улицкой, в которых ей адресуют вопросы о глубинной природе русско-украинских взаимоотношений или деятельности российской оппозиции³⁵. Примечательным примером можно считать и публичные

[sk2804315/basnik-strasser-vyznamenanie-som-chcel-hodit-rusom-cez-plot-ale-bal-som-sa-ze-ma-zastrelia/](https://www.youtube.com/watch?v=sk2804315/basnik-strasser-vyznamenanie-som-chcel-hodit-rusom-cez-plot-ale-bal-som-sa-ze-ma-zastrelia/) (26.10.2024).

³⁴ БЫКОВ: Путин — безумный изгой. Китай и Индия бросят Кремль. Скоро Альгеймер. Трамп побеждает? «Ходорковский LIVE», 23.10.2024, <https://www.youtube.com/watch?v=LKwWPpD9Kao&t=2s>(27.10.2024); Быков — об Арестовиче, Зеленском и когда все станет хорошо. Есть вопрос, «Популярная политика», 08.07.2024, <https://www.youtube.com/watch?v=XkYiPoGFbf8&t=6184s> (27.10.2024).

³⁵ G. Chazan, *Writer Ludmila Ulitskaya: 'In 50 years, every town in Russia will have a Navalny Square'*, «Financial Times», 20.04.2024, <https://www.ft.com/content/7ee681ec-8ecd-4bd9-8bd7-1a25009d7feb> (27.10.2024); P. Procházková, Ruská spisovateľka Ulická: Nežijeme v krajiné Putina a Lavrova, vojnu prehráme všetci, «Denník N», 06.09.2022, <https://dennikn.sk/2995711/spisovatelka-ulicka-nezijeme-v-krajine-putina-a-lavrova-vojnu-prehrame-vsetci/> (27.10.2024).

выступления Михаила Шишкина, который уже долгие годы занимает активную антикремлевскую позицию. С творческой точки зрения его реакция пока коррелирует с выбором в пользу «художественного» молчания, то есть временной неприемлемости собственно литературного высказывания, что компенсируется публицистическими высказываниями, попытками «объяснить» современную Россию другим культурам, в частности, через эссе, вошедшие в его немецкоязычный сборник *Frieden oder Krieg? Russland und der Westen*³⁶. Этот сборник вышел еще в 2019 году, но после начала полномасштабного российского вторжения он реактуализировался и смог вернуть писателю переводную платформу, будучи образцом «приемлемого высказывания» российского писателя. В частности, выход в 2023 году перевода этого сборника на словацкий язык — *Moje Rusko. Vojna či mier?* (*Моя Россия. Война или Мир*) — вызвал широкий резонанс в словацкой прессе, где вышло сразу несколько интервью с писателем, в которых ему также приходилось выступать в (старо)новой для русского писателя всеобъемлющей роли политического аналитика, социального философа, историка³⁷.

Выше о литературном молчании говорилось как об одном из измерений процессов интернализованной «самоотмены» российских писателей, в которой ключевым является персональный момент моральной ответственности, выданное самому себе утверждение или отказ в праве художественного высказывания. Одним из вдохновений для такой интерпретации стали рассуждения Марии Степановой, в которых она сравнивала моральные позиции украинских и российских поэтов, и это сравнение, как мне представляется, очень прозрачно объясняет позицию «антивоенного крыла» современной русской литературы:

Мне кажется, что это невероятно важно, и я слежу за ними [современными украинскими поэтами — И.П.], потому что у украинских поэтов есть сейчас то, чего нет у нас. И быть не может. Мы находимся в состоянии абсолютной неуверенности, в состоянии самоотмены. Нас даже не надо специально

³⁶ Русского перевода этого сборника на момент написания статьи не существует.

³⁷ R. Kotian, *Spisovateľ Šiškin: Putinov nástupca Patrušev bude ešte horší*, «SME Kultúrny život», 19.01.2024, <https://kulturnyzivot.sme.sk/c/23270106/michail-siskin-putinov-nastupca-patrushev-bude-este-horsi.html> (27.10.2024); Z. Handzová, *Rusko je pripravené na nového cara. Bude ešte horší*, «Pravda», 02.12.2023, <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/690591-rusko-je-pripravene-na-noveho-cara-bude-este-horsi/> (27.10.2024).

канцелировать (от слова *cancel*), мы сами себе – канцелярия. Тот же Мандельштам считал – и об этом интересно поразмышлять, – что «поэзия есть сознание собственной правоты». Так это или не так, но сейчас ни у кого из нас нет этого сознания правоты. У нас есть сознание только собственной неправоты. И что из этого чувства можно сделать, и можно ли вообще что-то сделать – вопрос открытый³⁸.

Несмотря на эту «этическую самоотмену», с увеличением временного отступа от начала российского полномасшабного вторжения можно – пока на субъективном уровне – наблюдать очередную парадоксальную ситуацию: при номинально общепризнанной с началом войны поддержке Украины и ее культуры, принимающие контексты все активнее стараются не вытеснять русскую культуру (в первую очередь в ее приемлемой ипостаси), чтобы «не подыгрывать кремлевской пропаганде»³⁹, в итоге русская литература, имея больше опыта функционирования в кризисных ситуациях, включая эмиграцию, и оставаясь по-прежнему более «понятной», начинает возвращать утерянные позиции в принимающих культурных контекстах, не раз в ущерб все еще нуждающейся в поддержке украинской культуры и литературе.

Подводя итог вышесказанному, необходимо, конечно, отметить, что в этом тексте представлена пока лишь попытка обозначить рамки и направления дискуссии о месте и образе русской литературы в различных принимающих контекстах в ситуации, когда Россия ведет войну в сердце Европы. При этом важно учитывать и то, как это внешнее восприятие влияет на внутренние механизмы российского литературного поля, поскольку идея о восприятии Себя Другим традиционно является частью российского самообраза. Дальнейшее более глубокое изучение данной проблематики потребовало бы значительного расширения корпуса текстов и аргументаций, в том числе исходящих из противоборствующего «идеологического лагеря», включая и так называемых «Z-писателей», и симпатизирующие России западные

³⁸ А. Архангельский, *Мария Степанова*: «Поезд истории опять въезжает в темный тоннель», «Радио Свобода», 15.05.2023, <https://www.svoboda.org/a/mariya-stepanova-poezd-istorii-oryatj-vjezzhaet-v-temnyy-tonnel/32408294.html> (27.10.2024).

³⁹ K. Platt, *The Profound Irony of Canceling Everything Russian*, «The New York Times», 22.04.2022, <https://www.nytimes.com/2022/04/22/opinion/russian-artists-culture-boycotts.html> (27.10.2024).

информационные каналы. Интересным может представляться и исследование маргинальных рецептивных феноменов, имеющих место в конкретных региональных контекстах, скажем, в Словакии, где существует издательство «Torden», которое активно издает переводную российскую беллетристику антizападного, «альтернативно-исторического» и конспирологического содержания. Все это, безусловно, расширило бы представление о вариациях способов присутствия русской литературы в других контекстах. В целом же формирование сегодняшнего преломленного образа русской литературы внутри и за границами России представляется мне открытым, динамичным, волнообразным процессом накладывающихся друг на друга импульсов и реакций на эти импульсы. Этот процесс также оставляет большое пространство для интерпретационных сдвигов, в том числе сознательных, доказательством чему является и официальный российский дискурс, который, представляя русских писателей и их книги «жертвами отмены», сам делает для «отмены» русской литературы внутри и вне России больше, чем кто-либо другой.

Данная статья написана в рамках реализации проекта VEGA 1/0586/21 (V-21-OZ0-00) *Русская проза XXI века в ее экзистенциальном, тематическом и поэтологическом аспектах в русской и словацкой культурах*.

REFERENCES

- Baldi, Chiara. “L'università Bicocca cancella il corso di Paolo Nori su Dostoevskij. Lo scrittore in lacrime: ‘È censura’. Poi il dietrofront dell'ateneo.” *La Stampa*, <https://www.lastampa.it/cronaca/2022/03/02/news/l_universita_bicocca_cancella_il_corso_di_paolo_nori_su_dostoevskij_evitiamo_le_polemiche_lo_scrittore_in_lacrime_e_ce-2866014/>.
- Bílik, René, and Zajac, Peter. Eds. *Poetika textu a poetika udalosti*. Trnava: Typi Universitatis Tyrnaviensis, 2018.
- Chazan, Guy. “Writer Ludmila Ulitskaya: ‘In 50 years, every town in Russia will have a Navalny Square.’” *Financial Times*, <<https://www.ft.com/content/7ee681ec-8ecd-4bd9-8bd7-1a25009d7feb>>.
- Cross, Anthony. Ed. *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012.
- Dulebová, Irina, and Cingerová, Nina. *Ruské lingvoreálie*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2017.
- Handzová, Zora. “Rusko je pripravené na nového cára. Bude ešte horší.” *Pravda*, <<https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/690591-rusko-je-pripravene-na-noveho-cara-bude-este-horsi/>>.

- Hutchings, Stephen. *Projecting Russia in a Mediatized World*. London—New York: Routledge, 2022.
- Kotian, Robert. “Spisovateľ Šiškin: Putinov nástupca Patrušev bude ešte horší.” *SME Kultúrny život*, <<https://kulturnyivot.sme.sk/c/23270106/michail-siskin-putinov-nastupca-patrusev-bude-este-horsi.html>>.
- Kusá, Mária. Ed. *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015*. Bratislava: Veda, 2017.
- Neumann, Iver. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London and New York: Routledge, 1996.
- Norris, Pippa. “Cancel Culture: Myth or Reality?” *Political Studies*, 2021, No. 71(1): 145–174.
- Platt, Kevin M.F. “The Profound Irony of Canceling Everything Russian.” *The New York Times*, <<https://www.nytimes.com/2022/04/22/opinion/russian-artists-culture-boycotts.html>>.
- Procházková, Petra. “Ruská spisovateľka Ulická: Nežijeme v krajinе Putina a Lavrova, vojnu prehráme všetci.” *Denník N*, <<https://dennikn.sk/2995711/spisovatelka-ulicka-nezijeme-v-krajine-putina-a-lavrova-vojnu-prehrame-vsetci/>>.
- Rowling, J.K. “Critiques of Western cancel culture...” *Twitter/X*, <https://x.com/jk_rowling/status/1507364792834666511>.
- Saunders, Robert A. “Geopolitical enemy #1? VVP, anglophone ‘propaganda’ and the politics of representation.” Strukov, Vlad, and Hudspith, Sarah (eds). *Russian Culture in the Age of Globalization*. London and New York: Routledge, 2019.
- Salomon, Kat. “Bodies and Open Spaces in ‘Wound’.” *Chicago Review of Books*, <<https://chireviewofbooks.com/2023/09/16/wound/>>.
- Tódová, Monika. “Básnik Štrasser: Vyznamenanie som chcel hodíť Rusom cez plot, ale bál som sa, že ma zastrelia.” *Denník N*, <<https://dennikn.sk/2804315/basnik-strasser-vyznamenanie-som-chcel-hodit-rusom-cez-plot-ale-bal-som-sa-ze-ma-zastrelia/>>.
- Архангельский, Александр. “Мария Степанова: ‘Поезд истории опять въезжает в темный тоннель.’” *Радио Свобода*, <<https://www.svoboda.org/a/mariya-stepanova-poezd-istorii-opryatj-vjezzhaet-v-temnyy-tonnel/32408294.html>>.
- Барановская, Марина. “Русская литература в Германии. Отменить нельзя переосмыслить.” *DW*, <<https://www.dw.com/ru/russkaya-literatura-v-germani-otmenit-nelza-pereosmyslit/a-68183612>>.
- “Большая пресс-конференция Владимира Путина.” *Президент России*, <<http://kremlin.ru/events/president/news/67438>>.
- Быков, Дмитрий. “Быков — об Арестовиче, Зеленском и когда все станет хорошо. Есть вопрос.” *Популярная политика*, <<https://www.youtube.com/watch?v=XkYiPoGFbf8&t=6184s>>.
- Быков, Дмитрий. “Путин — безумный изгой. Китай и Индия бросят Кремль. Скоро Альцгеймер. Трамп побеждает?” *Ходорковский LIVE*, <<https://www.youtube.com/watch?v=LKwWPpD9Kao&t=2s>>.
- “Вступает в силу закон о запрете ненормативной лексики в кино, спектаклях и на концертах.” *TASS*, <<https://tass.ru/kultura/1289487>>.
- Голубева, Анастасия. “Верховный суд РФ запретил ‘движение ЛГБТ.’ Что ждет квир-людей в России?” *Русская служба Би-би-си*, <<https://www.bbc.com/russian/articles/clwxpx88w8geo>>.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО...

- Зарипов, Ильшат. ““Перепутали с Путиным”? Соцсети об отмене выступления Линор Горалик.” *Радио Свобода*, <<https://www.svoboda.org/a/pereputati-li-s-putinym-socseti-ob-otmene-vystuplenia-linor-goralik/32408457.html>>.
- Прилепин, Захар. “Новость не про войну.” *Telegram*, <<https://t.me/zakharpri-lepin/10747>>.
- “Про ROAR.” *ROAR*, <<https://roar-review.com/ROAR-06259ab4703c483a8b-78353b9c491a8d>>.
- Пророков, Михаил. “Зеркало для героинь.” *Коммерсантъ*, <<https://www.kommersant.ru/doc/6352420>>.
- Сафонова, Кристина. “Слов, которые ты можешь сказать, становится все меньше’. ‘Медуза’ рассказывает, как выглядит российский книжный бизнес изнутри — в эпоху цензуры и самоцензуры.” *Медуза*, <<https://meduza.io/feature/2024/11/18/slov-kotorye-ty-mozhesh-skazat-stanovitsya-vse-menshe>>.
- Эрзебек, Дарья. “Путин: ‘культура отмены’ превратилась в отмену культуры.” *Коммерсантъ*, <<https://www.kommersant.ru/doc/5280435>>.
- Юзефович, Галина. “Оружие слабых. Книжная цензура и практики сопротивления в современной России.” *Carnegie Politika*, <<https://carnegie-endowment.org/russia-eurasia/politika/2024/07/knizhnaya-cenzura?lang=ru¢er=russia-eurasia>>.
- “Я бы всю вашу контору сжег. Как книга о геях в пионерском лагере возмутила Прилепина, Михалкова и Милонова.” *RTVI*, <<https://rtvi.com/opinions/ya-by-vsyu-vashu-kontoru-szheg-kak-kniga-o-geyah-v-pionerskom-lagere-vozmutila-prilepina-mihalkova-i-milonova/>>.